

Р. Хаутала

КАТОЛИЧЕСКИЕ МИССИОНЕРЫ В ИМПЕРИИ МОНГОЛОВ (XIII–XIV ВВ.)

Причины исламизации кочевников западных регионов средневековой Монгольской империи являются актуальнейшим объектом изучения восточных и западных историков. Превалирует убеждение, что обращение кочевников в ислам было предопределено некими социально-экономическими причинами, не оставлявшими места личным религиозным симпатиям кочевников. В отношении территорий улуса Хулагуидов наиболее естественным объяснением исламизации представляется постепенное идеологическое сближение между монгольской администрацией и завоеванным населением Персии. Также и исследователи истории Золотой Орды реконструируют неизбежные и логичные процессы “аккультурации” степных правителей со стороны мусульманской торговой элиты [Егоров 1985, 39, 42; Васильев 2007, 3–4, 16, 65; Варваровский 2008, 65; Dashdondog 2011, 196; Krawulsky 2011, 8–10, 39, 50, 63, 65–66, 91].

Обращение кочевников, таким образом, представляется следствием коллективного признания насущных политических или экономических выгод, достижению которых способствовало кардинальное изменение религиозной ориентации монгольских правителей [Jackson 2005a, 253].

Английский исследователь Чарльз Мелвилл, в свою очередь, представил альтернативный подход к решению проблемы, разработанный впоследствии рядом западных историков. Эти исследования поставили под сомнение культурную или экономическую неизбежность обращения монголов в ислам путем демонстрации постепенной исламизации рядовых кочевников и средних слоев монгольской аристократии в период, значительно опережающий консолидацию ислама в западных регионах империи монголов [Melville 1990; Pfeiffer 2006, 389; Amitai 2007, ch. VII, 36–37].

Результаты этих исследований позволяют предположить, что конфессиональный выбор кочевников не обязательно был обусловлен определенными социальными причинами, а вполне мог быть следствием их личных религиозных симпатий [DeWeese 2009, 121–124].

Можно предположить, что исламизация кочевников не была обусловлена только политическими интересами их правящей элиты, а была также и результатом активности мусульманских проповедников, прозелитическая деятельность которых среди менее высокопоставленных кочевников оказалась более эффективной в сравнении с миссионерством представителей других мировых религий.

Обращение монголов в ислам, таким образом, не должно рассматриваться изначально предопределенным явлением. Например, недавнее исследование Владимира Костюкова указывает на необходимость более глубокого анализа деятельности буддистских проповедников в Золотой Орде в период правления хана Узбека [Костюков 2009]. Латинские источники, со своей стороны, являются ценнейшим свидетельством устойчивого влияния несторианства в западных регионах империи, успешно конкурировавшего с нарастающей исламизацией кочевников [Аннинский 1940, 92, 110; Richard 1998, 106, 175].

Данная статья, в свою очередь, посвящена рассмотрению католического апостолата в империи монголов, логично вписывавшегося в общее соревнование мировых религий в обращении кочевников. В статье рассматриваются два центральных аспекта латинского миссионерства, касающихся информации о масштабах распространения католического апостолата на Востоке и методах проповедования Евангелия среди кочевников.

Перспектива обращения кочевников в христианство согласно латинским источникам

Впервые идея крещения монголов появляется в связи с распространением в Европе сообщений об утверждаемом крещении хана Гуюка (1248), посланных монгольским нойоном Ильчигидаем и армянским коннетаблем Сембатом королю Франции Людовику IX [Monumenta Franciscana 1858, 428; Matthaeus Parisiensis 1872–1873, vol. III, 80, 87; Richard 2005, 160–170]. Надежда на скорейшее обращение кочевников подкрепилась известием о крещении принца Золотой Орды Сартака (1254) вместе с несколькими тысячами его подданных [Acta Innocentii... 1960–1966, 185–188; Melloni 1990, 288–289]. Это известие стимулировало организацию обширной проповеднической деятельности мендикантских орденов на Востоке, основавших сеть католических монастырей на монгольских территориях в течение второй половины XIII века.

Дальнейшее политическое сближение Западной Европы и улуса Хулагуидов на основе попыток заключения антимусульманского союза неизменно сопровождалось новыми известиями о крещении ханов. Обращение Абага-хана в греческое православие (1265) и дальнейшее католическое крещение его послов в рамках II Лионского собора (1274) отображались в латинских источниках как божественное предзнаменование коллективного причащения монголов к римской церкви [Acta Urbani IV... 1953, 71–72; Soranzo 1930, 222; Roberg 1973, 298–301]. Последующая делегация Абак-хана (1277) способствовала появлению уверенности папской курии в неминуемом крещении монголов Китая [Annales Ecclesiastici... 1644–1656, vol. XIV, a. 1278, §§ 17–22]. Не меньший энтузиазм вызвали и известия о приходе к власти Аргун-хана (1284), укрепившие надежду не только на крещение монголов, но и на возможное освобождение Святой Земли при поддержке новообращенных [Salimbene di Adam 2002, 939].

Общие ожидания крещения кочевников отображены в нескольких трактатах каталонского миссионера Раймунда Луллия, который представлял монголов первозданными язычниками, чистосердечно жаждущими познания Истинного Бога [DeWeese 1978–1979, 69–70; Tolan 2002, 266]. Однако его оценка кардинально изменилась параллельно с приростом обращения монголов в ислам, засвидетельствованного в последние годы правления Аргун-хана [Pfeiffer 2006, 389]. Начиная с конца 80-х гг. XIII в. Луллий проявляет очевидные опасения в связи с потенциальной угрозой исламизации монголов и призывает папскую курию к незамедлительной интенсификации апостолата среди кочевников [Golubovich 1906–1927, vol. I, 373; Hillgarth 1971, 12, 150–151; DeWeese 1994, 66; Jackson 2005b, 175]. Опасения Луллия подтверждались и доминиканцем Рикольдо да Монтекроче, имевшим “несчастье” лично засвидетельствовать триумф ислама среди ближневосточных монголов [Röhrich 1884, 266; Ricoldo da Montecroce 1967].

Также и францисканцы поставляли неутешительные известия из Золотой Орды, начиная с первого документального свидетельства (1287) основания католических монастырей в Крыму [Golubovich 1906–1927, vol. II, 443–444]. Последующие отчеты о развитии францисканского миссионерства неизменно сопровождались указаниями на осязаемое усиление мусульманского влияния в Золотой Орде [Moule 1923, 108–112; Van den Wyngaert 1929, 501–506; Аннинский 1940, 92, 110]; и уже в начале 20-х гг. XIV в. доминиканец Гийом де Адам представлял Золотую Орду мусульманским государством, тогда как венецианец Марино Санудо Торселло оценивал целесообразность организации Крестового похода против Узбек-хана [William of Adam 2012, 46–49; Marino Sanudo Torsello 2011, 22, 65–66].

Однако отчеты миссионеров не были лишены и оптимизма, подкрепляемого свидетельствами выражения личных симпатий ханов по отношению к мендикантам. Францисканцы отмечают решающую поддержку хана Ногая (1287) в конфликте миссионеров с мусульманскими резидентами крымского города Солхата [Golubovich 1906–1927, vol. II, 443–445]. Миссионерские отчеты также содержат указания на принятие католичества Токта-ханом (1308), несмотря на многочисленные, но не менее противоречивые свидетельства арабских источников о симпатиях правителя Золотой Орды по отношению к шаманизму или буддизму [Тизенгаузен 1884, 174, 196, 202, 206, 274, 277, 424, 437, 486, 514; Golubovich 1906–1927, vol. III, 122, 170–177].

Противоречивые оценки среди современных историков вызвало свидетельство францисканцев о крещении и захоронении некоего хана Coktoganus на кладбище францисканского монастыря Иоанна Евангелиста, рядом с Сараем. Несмотря на наличие определенных предпосылок для сопоставления его имени с Токта-ханом, наиболее вероятной представляется версия Алексея Малышева, который склонен идентифицировать Coktoganus с братом Токты, Кутуганом [Analecta Franciscana... 1906, 557; DeWeese 1994, 99; Jackson 2005b, 272–273; Малышев 2006, 185].

Францисканская документация засвидетельствовала и благосклонное отношение Узбек-хана, происламские симпатии которого не препятствовали предоставлению официальной протекции католическому миссионерству (1314), усиленной последующим крещением родственника хана (1322), фигурирующего в папских поздравительных письмах под именем Abuscan [Acta Joannis XXII... 1966, 53, 56]. Дружественные сношения Римской курии с ханом не прерывались в течение всего правления Узбек-хана и в немалой степени способствовали расширению миссионерской деятельности в восточных регионах Золотой Орды и на территории Чагатайского улуса [Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum 1730, 187; Van den Wyngaert 1929, 527; Аннинский 1940, 92, 110; vol. III, 43–44; Acta Joannis XXII... 1966, 74].

Методы католического проповедования среди кочевников

Наибольший интерес вызывают вопросы, каким образом латинские миссионеры представляли католическую доктрину и как они убеждали кочевников в ее превосходстве в сравнении с другими религиями. К сожалению, сохранившиеся тексты прямой речи проповедников не позволяют дать исчерпывающий ответ на эти вопросы. В случае Вильгельма де Рубрук указание на неизбежность божественного наказания язычников никак не способствовало приближению хана Бату к христианской вере. Приведенное им описание религиозного диспута в присутствии Мункэ-хана создает впечатление, что мендиканты скорее были подготовлены к столкновению с конкурирующими мировыми религиями, чем к проповедованию Евангелия среди кочевников [Guglielmo di Rubruk 2011, 96–97, 249–251]. Доминиканец Рикольдо да Монтекроче и францисканец Паскалий да Витториа указывают на интенсивное цитирование Библии. Однако они не уточняют, какое построение имели их проповеди [Ricoldo da Montecroce 1967; Van den Wyngaert 1929, 501–506].

Западные пособия по проповедованию могли бы дать более содержательную информацию. Однако и в данном случае попытки ответить на поставленные вопросы значительно затрудняются. Эти затруднения вызваны отсутствием более или менее адекватного пособия по миссионерству среди кочевников. По словам французского исследователя Жана Ришара, миссионеры на Востоке были вынуждены довольствоваться пособиями по апостолату в среде католиков, а не язычников [Richard 1983, 259, 266].

Проповеди мендикантов сводились к неизменному цитированию Библии, полезному, по мнению Фомы Аквинского, для доктринальных наставлений католиков, но малоэффективному в среде “неверных”, не признававших абсолютного авторитета Святого Писания [Daniel 1975, 10]. С другой стороны, т. н. “Миссионерская Книга” из Куманского Кодекса, составленного францисканцами на территории Золотой Орды в 30-х годах

XIV столетия, предоставляет ценнейшую информацию о попытках миссионеров приспособиться к местным условиям апостолата. Францисканцы Золотой Орды использовали языческую лексику и фольклорный материал кипчаков как для более понятного представления центральных концепций католической доктрины, так и для демонстрации несовершенства языческих верований [Codex Cumanicus; Стоянов 2003, 484, 493].

Дополнительную информацию предоставляют трактаты теоретиков миссионерства. Целесообразность использования их работ, в свою очередь, часто оказывается не вполне обоснованной. **Opus majus** (Большое сочинение) Роджера Бэкона является одним из наиболее изученных средневековых трактатов отчасти благодаря содержащемуся в нем рассмотрению методов проповедования Евангелия монголам. С другой стороны, как популярность его работы во францисканских кругах, так и ее влияние на развитие восточного апостолата вызывают обоснованные сомнения [Roger Bacon 1897–1900, vol. III, 373–374; Daniel 1975, 66; Vose 2009, 29–30]. Влияние работ Раймунда Луллия, напротив, не ставится под сомнение. Однако и в этом случае следует отметить, что трактаты Луллия были, по большей части, посвящены апостолату среди мусульман. Единственная работа Луллия, рассматривавшая проповедование среди монголов (*Liber Tartari et Christiani*), выказывает его очевидную некомпетентность в вопросе [Daniel 1975, 70–71; Schmieder 2000, 278–279; Vose 2009, 33].

Повсеместное использование работ Фомы Аквинского католическими проповедниками внутри Европы не вызывает никакого сомнения. С другой стороны, применение его трактатов к условиям восточного апостолата обычно игнорируется. Безусловно, его **Summa contra Gentiles** (Сумма против язычников) не затрагивает напрямую вопрос проповедования в среде кочевников. Однако Фома Аквинский кажется наиболее приближенным к проблеме проповедования в среде язычников. Доминиканский теолог указывает на необходимость прибегать к рациональной аргументации для обращения язычников, не имевших обыденного для католиков и мусульман понятия о существовании единого Бога. К тому же Фома Аквинский представляет наиболее обширное теоретическое обоснование существования общечеловеческих процессов мышления с врожденным стремлением к познанию Бога [Hertsen 1995, 30–31; McInerney 1995, 208–210; Thompson 2002, 28]. Описание миссионерской деятельности Рикольдо да Монтекроче на Ближнем Востоке предоставляет возможность оценить степень влияния работы Фомы Аквинского на развитие восточного миссионерства [Ricoldo da Montecroce 1967]. С другой стороны, трактат Фомы Аквинского кажется слишком теоретичным и значительно отдаленным от практической деятельности миссионеров [Vose 2009, 51–52].

Для ответа на заданные вопросы следует прибегнуть к использованию альтернативного типа источников. Папские послания монгольским правителям обычно рассматриваются в качестве формальных документов, утверждающих универсальное превосходство Святого Престола [Melloni 1990, 157–159]. Однако более подробный анализ их содержания выявляет возможность использования папских писем в качестве ценнейшего источника по деталям восточного миссионерства.

В первую очередь следует отметить, что первые папские послания ханам имели прямое влияние на теоретическое творчество Фомы Аквинского [Acta Innocentii... 1960–1966, 31–32; Epistolae saeculi XIII... 1982, 72–73; Muldoon 2010, 59–60]. Далее, анализ писем дает представление о миссионерской стратегии, направленной на изначальное крещение монгольских правителей, которое должно было способствовать дальнейшему коллективному обращению кочевников [Richard 1983, 259; Jackson 2005b, 263]. Папы прибегали к различным типам убеждения ханов, включая и подчеркивание возможных политических выгод. Исследователи франко-монгольских дипломатических связей склонны недооценивать содержание ответов пап на предложение ильханов о создании антимусульманского альянса. Наиболее распространенным является указание на отсутствие политического дискурса в папских посланиях [Ryan 1981]. Однако папские послания содержат требование крещения ханов в обмен на будущее заключение

альянса, указывая на использование дипломатических переговоров в качестве особого инструмента миссионерства [Annales Ecclesiastici... 1644–1656, vol. XIV, a. 1278, §§ 17–22; Golubovich 1906–1927, vol. IV, 227–228; Soranzo 1930, 231, 441; Acta romanorum pontificum... 1954, 127–129].

Особое внимание должно быть уделено неизменной структуре папских посланий ханам, представляющих собой детально аргументированную проповедь о необходимости обращения в католичество. Уже с первых посланий хану Гуюку и в течение следующего столетия папы неизменно начинают свои послания описанием несовершенства человеческой природы, взывая к врожденному рациональному стремлению ханов к познанию Всевышнего. Далее следует известие о возможности спасения, состоящего в причащении к истинной вере и в необходимом крещении. Всякий раз папа заканчивает послание подчеркиванием личных полномочий в определении истинного пути спасения в силу власти, унаследованной от Христа [Annales Ecclesiastici... 1644–1656, vol. XIV, a. 1278, §§ 17–22; vol. XV, a. 1329, § 97; Acta Urbani IV... 1953, 31–32, 119–120, 185–188; Acta romanorum pontificum... 1954, 125–129, 154–155, 158–160, 187–189; Acta Joannis XXII... 1966, 256; Epistolae saeculi XIII... 1982, 72–73].

Все папские письма доставлялись монгольским правителям миссионерами, и каждое папское послание указывало на предоставление духовных полномочий представителям Святого Престола. На миссионеров возлагалась обязанность вручения писем и устной передачи их содержания в присутствии ханов [Giovanni di Pian di Carpine 1989, 388–389; Vincentius Bellocensis 1473, Lib. XXXIII, § 46]. Таким образом, мендиканты физически замещали папу и дословно воспроизводили его проповедь на Востоке.

Помимо дипломатических обязанностей, миссии папских послов неизменно включали непосредственное участие в развитии восточного апостолата. Папские посланники нередко основывали новые миссионерские пункты в империи монголов, как, например, в случае архиепископа Пекина Джованни да Монтекорвино [Acta romanorum pontificum... 1954, 154–155; Van den Wyngaert 1929, 342–355]. Было бы логично предположить, что папские посланники и их собратья на Востоке использовали рекомендованные Святым Престолом методы проповедования как при встрече с монгольскими правителями, так и в повседневном проповедовании Евангелия среди ординарных кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // **Исторический Архив**. Т. 3. Москва – Ленинград, 1940.

Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань, 2008.

Васильев Д. В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. Москва, 1985.

Костюков В. П. Буддизм в культуре Золотой Орды // **Тюркологический сборник 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран**. Москва, 2009.

Мальшев А. Б. Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. // **Археология Восточно-Европейской степи**. Вып. 4. Саратов, 2006.

Стоянов В. Codex Cumanicus: история изучения // **Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии**. Вып. 10. Симферополь, 2003.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. Санкт-Петербург, 1884.

Acta Innocentii P.P. IV (1243–54) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. IV/1 / T. T. Haluscynskyj; M. M. Wojnar (eds.). Romae, 1960–1966.

Acta Joannis XXII (1317–1334) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. VII/2 / A. L. Tăutu (ed.). Romae, 1966.

Acta romanorum pontificum ab Innocentio V ad Benedictum XI (1276–1304) // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. V/2 / F. Delorme; A. L. Täutu (eds.). Romae, 1954.

Acta Urbani IV, Clementis IV, Gregorii X (1261–1276) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. V/1 / A. L. Täutu (ed.). Romae, 1953.

Amitai R. The Mongols in the Islamic Lands: Studies in the History of the Ilkhanate. Aldershot, UK; Burlington, VT, 2007.

Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam Fratrum minorum spectantia. Vol. IV. Quaracchi, Firenze, 1906.

Annales Ecclesiastici ab anno MCXCVIII ubi Card. Baronius desinit / O. Rinaldi (ed.). Roma, 1644–1656.

Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum. Vol. II. Ab Anno 1281 ad 1430 / T. Ripoll; A. Brémond (eds.). Romae, 1730.

Codex Cumanicus / P. B. Golden (ed.) // Carrie: A Full Text Electronic Library. – http://vlib.iue.it/carrie/texts/carrie_books/paksoy-2/cam2.html

Daniel E. R. The Franciscan Concept of Mission in the High Middle Ages. Lexington, 1975.

Dashdondog B. The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden; Boston, MA, 2011.

DeWeese D. The Influence of the Mongols on the Religious Consciousness of Thirteenth Century Europe // **Mongolian Studies**, № 5. Bloomington, IN, 1978–1979.

DeWeese D. A. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA, 1994.

DeWeese D. A. Islamization in the Mongol Empire // **The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age.** Cambridge, UK; New York, 2009.

Epistolae saeculi XIII regestis pontificum romanorum selectae / C. Rodenberg (ed.). München, 1982.

Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / P. Daffinà; C. Leopardi; M. C. Lungarotti; E. Menestò; L. Petech (eds.). Spoleto, 1989.

Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Quaracchi, Firenze, 1906–1927.

Guglielmo di Rubruk. Viaggio in Mongolia (Itinerarium) / P. Chiesa (ed.). Torino, 2011.

Hertsen J. A. Aquinas's Philosophy in Its Historical Setting // **The Cambridge Companion to Aquinas.** Cambridge, UK; New York, 1995.

Hillgarth J. N. Ramon Lull and Lullism in Fourteenth-Century France. Oxford, 1971.

Jackson P. Mongols and the Faith of the Conquered // **Mongols, Turks, and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World.** Leiden; Boston, MA, 2005a.

Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, UK, 2005b.

Krawulsky D. The Mongol Ilkhans and their Vizier Rashi ad al-Din. Frankfurt am Main, 2011.

Marino Sanudo Torsello. Book of the Secrets of the Faithful of the Cross = Liber secretorum fidelium crucis / P. Lock (ed.). Burlington, VT, 2011.

Matthaeus Parisiensis. Chronica majora / H. R. Luard (ed.). London, 1872–1873.

McInerney R. Ethics // **The Cambridge Companion to Aquinas.** Cambridge, UK; New York, 1995.

Melloni A. Innocenzo IV: La concezione e l'esperienza della Cristianità come Regimen Unius Personae. Genova, 1990.

Melville C. Padshah-i Islam: The Conversion of Sultan Mahmud Ghazan Khan // **Pembroke Papers.** Vol. 1. Cambridge, England, 1990.

Monumenta Franciscana. Vol. I. Thomae de Eccleston Liber de adventu Minorum in Angliam. Adami de Marisco Epistolae. Prima fundatio Fratrum minorum Londoniae. Appendix of original documents / J. S. Brewer (ed.). London, 1858.

Moule A. C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323 // **Archivum Franciscanum Historicum**, № 16/1–2. Quaracchi, Firenze, 1923.

Muldoon J. The Nature of the Infidel: The Anthropology of the Canon Lawyers // **Travellers, Intellectuals, and the World beyond Medieval Europe.** Farnham, UK; Burlington, VT, 2010.

Pfeiffer J. Reflections on a 'Double Rapprochement': Conversion to Islam among the Mongol Elite during the Early Ilkhanate // **Beyond the Legacy of Genghis Khan.** Leiden; Boston, MA, 2006.

Richard J. Le discours missionnaire: l'exposition de la foi chrétienne dans les lettres des papes aux Mongols // **Prédication et propagande au Moyen Age: Islam, Byzance, Occident.** Penn-Paris-Dumbarton Oaks Colloquia, III, session des 20–25 octobre 1980. Paris, 1983.

Richard J. **La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles).** Rome, 1998.

Richard J. **Au-delà de la Perse et de l'Arménie. L'Orient latin et la découverte de l'Asie intérieure. Quelques textes inégalement connus aux origines de l'alliance entre Francs et Mongols, 1145–1262.** Turnhout, Belgium, 2005.

Ricoldo da Montecroce. Libellus fratris Ricoldi ad nationes orientales / A. Dondaine. Ricoldiana. Notes sur les œuvres de Ricoldo da Montecroce // **Archivum Fratrum Praedicatorum.** Vol. 37. Romae, 1967.

Roberg B. Die Tartarem auf dem 2. Konzil von Lyon 1274 // **Annuario historiae conciliorum; internationale Zeitschrift für Konziliengeschichtsforschung.** Vol. 5. Paderborn, Germania, 1973.

Roger Bacon. **Opus majus** / J. H. Bridges (ed.). London, 1897–1900.

Röhrich R. Lettres de Ricoldo de Monte-Croce // **Archives de l'Orient latin.** Vol. 2. Paris, 1884.

Ryan J. D. Nicholas IV and the Evolution of the Eastern Missionary Effort // **Archivum Historiae Pontificiae.** Vol. 19. Romae, 1981.

Salimbene di Adam. **Cronaca** / C. S. Nobili (ed.). Roma, 2002.

Schmieder F. Tartarus valde sapiens et eruditus in philosophia. La langue des missionnaires en Asie // **L'étranger au Moyen Age: XXXe Congrès de la SHMES,** (Gottingen, juin 1999). Paris, 2000.

Soranzo G. **Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari.** Milano, 1930.

Thompson A. From Texts to Preaching: Retrieving the Medieval Sermon as an Event // **Preacher, Sermon and Audience in the Middle Ages.** Leiden, the Netherlands, 2002.

Tolan J. V. **Saracens. Islam in the Medieval European Imagination.** New York, 2002.

Van den Wyngaert A. **Sinica Franciscana.** Vol. I. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. Quaracchi, Firenze, 1929.

Vincentius Bellovacensis. **Speculum historiale** / J. Mentelin (ed.). Strasbourg, 1473.

Vose R. **Dominicans, Muslims and Jews in the Medieval Crown of Aragon.** Cambridge, UK; New York, 2009.

William of Adam. **How to Defeat the Saracens** = Guillelmus Ade. **Tractatus quomodo Sarraceni sunt expugnandi** / G. Constable; R. Chakravarti; O. R. Constable; T. Kolbaba (eds.). Washington, D.C., 2012.